

МАРК СЕРГЕЕВ

В СОБОЛИНОМ КРАЮ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МАЛЫШ» МОСКВА 1984

СОБОЛЬ

Всю ночь шёл снег. Ветер не давал снегу покоя, кружил, рассыпал белой пылью. Тормошил, свивал в белые летучие пряди. Наконец под утро ветер уgomонился, забрался в глухой кедрач и затих.

Соболь выбрался из-под корня старой осины. Там с вечера облюбовал он себе сухую нору для ночлега. Спалось ему хорошо, в норе было тепло и тихо.

Зверёк взобрался на могучий ствол кедра, огляделся: нет ли где следа мыши? Пора было позавтракать. Но всё кругом бело и нетронуто. Соболь взялся за шишку, захрустел скорлупой, добывая кедровые орехи.

Вдруг тень скользнула по стволу. Раздался грохот, гул. Диковинная птица нависла над поляной.

Соболь прижался к стволу кедра, выронил шишку, притих.

ВЕРТОЛЁТ

Этой птицей был вертолёт. А в вертолёте находились мы.

Мы летели на охоту. Охота наша не обычная—без ружей.

Охотники по тайге зимой ходят на лыжах, ездят на оленях, а теперь вот иногда их отправляют в далёкие глухие места, особенно туда, где горы,—по воздуху на вертолётах. Если на лыжах нужно идти, например, две недели, обходя скалистые хребты, то на вертолёте доберёшься часа за два.

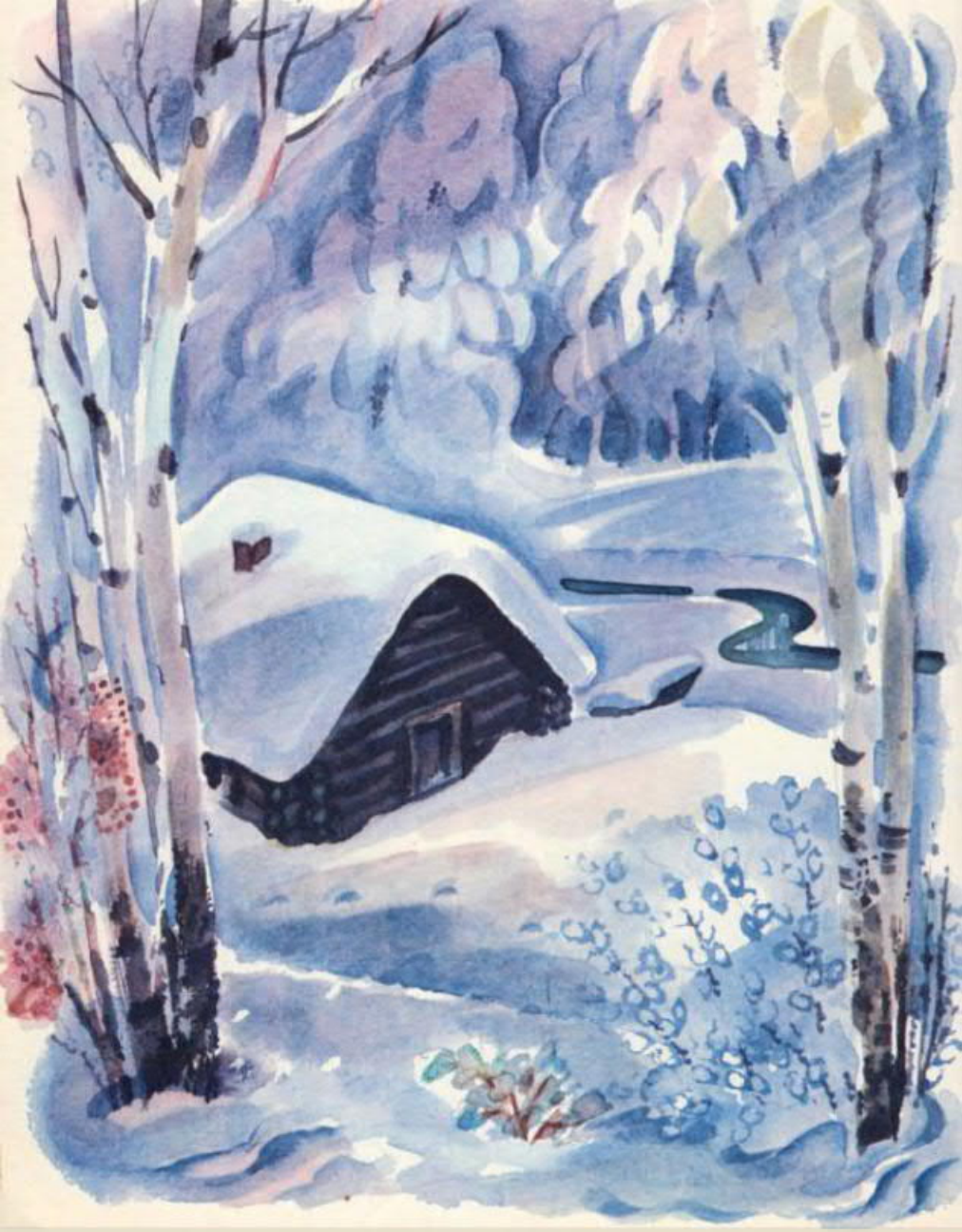
Охотники в вертолёте сидят на боковых скамейках. Собаки пристроились у их ног. Это—лайки. Одна рыжая, похожая на лисицу, с таким же светлым пушком вокруг чёрной пуговики—носа, с тёмными кругами шерсти у глаз, только хвост не лисий, а весёлый, закрученный колечком, как баранка. Её зовут Найда. Другая похожа на волка: сизо-чёрная, с подпалинами на боках, с тяжёлым обвисшим хвостом. Большие глаза глядят внимательно и спокойно. Это—Черныш.

Мы летим соболевать. Что это значит? А вот что.

Мы—звероводы. Мы хотим, чтобы соболь появился снова в тех местах, где когда-то водился, а потом исчез. Вот почему мы и ловим соболей, а потом везём за тысячи километров на самолётах и выпускаем в самых глухих местах сибирской тайги.

Со временем зверьки чувствуют себя на новом месте, как дома.

Вот и завтра предстоит нам охота—охота без ружья.

ЗИМОВЬЕ

Мы приземлились. Выгрузили рюкзаки, тюки, ящики. Вертолёт взревел и скрылся за горой.

А мы остались ночевать в зимовье.

Я лежал на дощатом топчане. Печка весело гудела. Разговор у нас шёл интересный: про зимовье, про соболя.

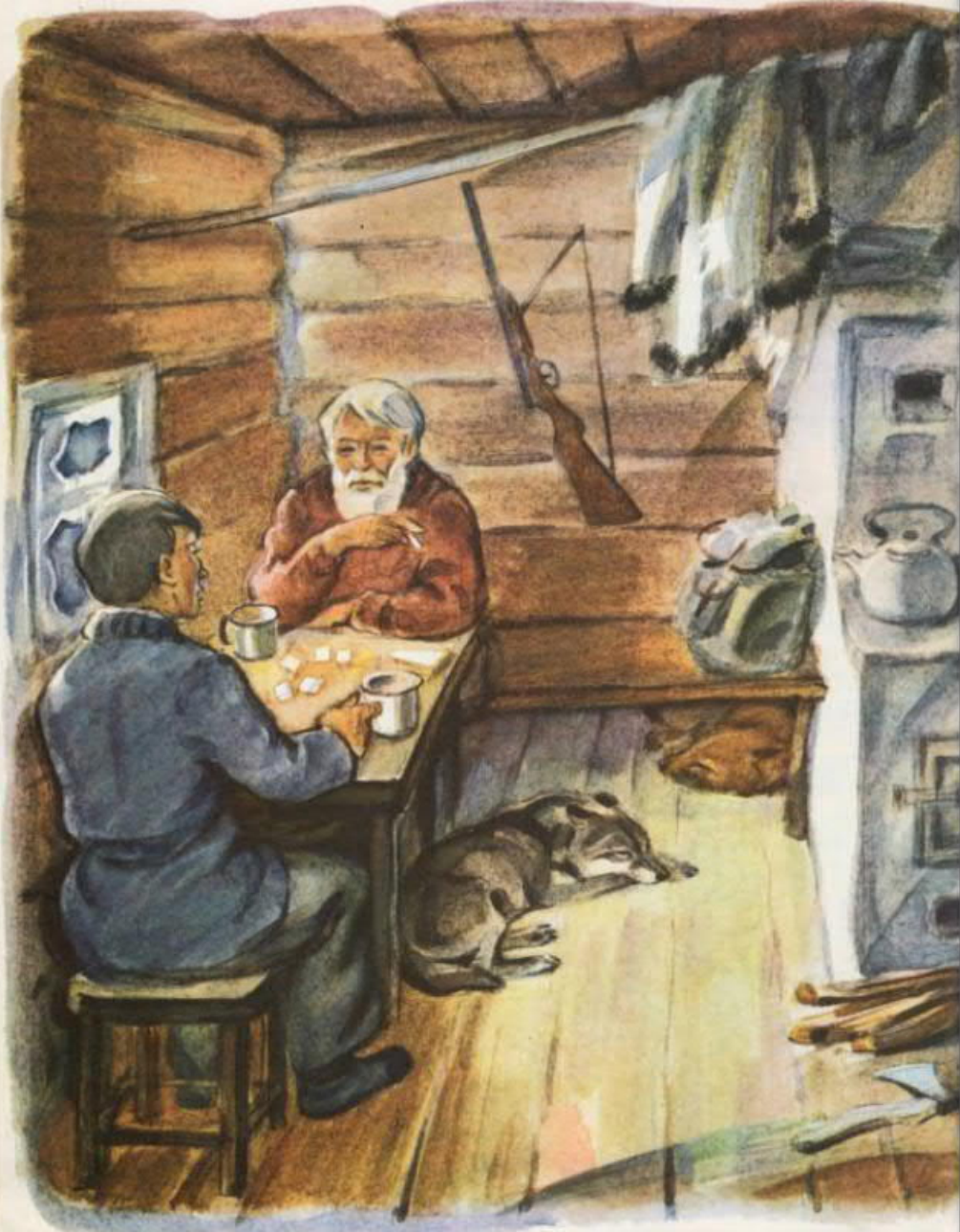
— Кто его построил, зимовье?

— Неведомо. Известно, что хороший человек. Потому как не только о себе заботился. Зимовье, зимовейко, зимовеюшко, скольких людей спасло ты от беды!

— От какой беды?

— А как же! Идёшь по тайге зимой, а тут вдруг и непогода. Снег! Ветер с ног сбивает! Глядь — избушка стоит, дверь не заперта. Вошёл, дверь затворил — вьюга за дверью-то и осталась, не шибко и страшна. На лежанке лучинки, в непромокаемом мешочке — спички. Дрова у печи лежат. Раз-два — и загудела печка-матушка. Скулит вьюга под дверью, а не достать ей теперь человека.

— Кто же дрова запас, спички оставил?

— Хороший человек. Пожил здесь, поохотился, а уходить собрался — дров наколол, да сложил аккуратнo, чтобы просохли, не капризничали в печи. Лучинок нащипал, спичками поделился. Соль опять же, сухари, консервы оставил. Так уж повелось: для тебя люди постарались, а ты постарайся для людей.

— Соболь — это всем зверям зверь. Меха блестящий, пушистый. Глаз не оторвёшь! Не зря ведь в старые-старые времена шкурки соболя были деньгами. «Сколько стоит ваша телега с конём да с мешками овса?» — «Дак одного соболя давай — и сочтёмся».

— Зверь этот особенный, никакого врага не боится: ни волка, ни рыси, ни медведя. Где хочет, там и бегаёт.

— А почему он зверя-то не боится?

— А потому что резвый он, быстрый: по деревьям бегаёт, как по земле, под снегом умеет ходить, а то в развал камней нырнёт — и был таков. Бегаёт там, как по коридорчикам, кто его достанет?

— Ест соболь всякую лесную мелюзгу: мышей, пищух. А то поймаёт какую-нибудь зеваку-птицу. Летом ягоду ест. Бруснику любит. Хороша ягода!

— В очень давние времена,—говорили в зимовье,— соборей в Сибири было много. Хороши из меха соборей шапки, воротники и шубы. Но чем больше соборьих воротников, шапок, пышных пушистых шуб появлялось у жителей далёких и близких городов, тем меньше и меньше соборей оставалось в тайге. И тем дороже ценилась каждая шкурка. А раз дороже—значит, ещё сильнее хотелось охотникам добыть зверька. Вот так получилось, что соборей в тайге стало совсем мало.

...За стенами зимовья деревья потрескивали от мороза. Наша печь продолжала гудеть, и разговор в избушке постепенно стих. Все слушали песенку нашей печи. Печь пела про свист ветра, шуршание снега, постанывание могучих деревьев в морозную ночь...

С ДЕРЕВА НА ДЕРЕВО

Утром потеплело. На солнечной стороне зимовья появились маленькие реснички сосулек, отчего крыша стала нарядной. Тишь стояла удивительная. Белый дым тянулся по прямой линии к небу, и тень от него забавно шевелилась на срезе горы. Рыхлый ещё вчера от сильной стужи снег сегодня стал плотнее. Собаки весело ринулись наперегонки между деревьями, взлохмачивая нетронутые сугробы. И вдруг, где-то уже далеко от нас, собаки остановились и залаяли отрывисто, коротко.

Охотники повеселели и побежали на зов Найды и Черныша.

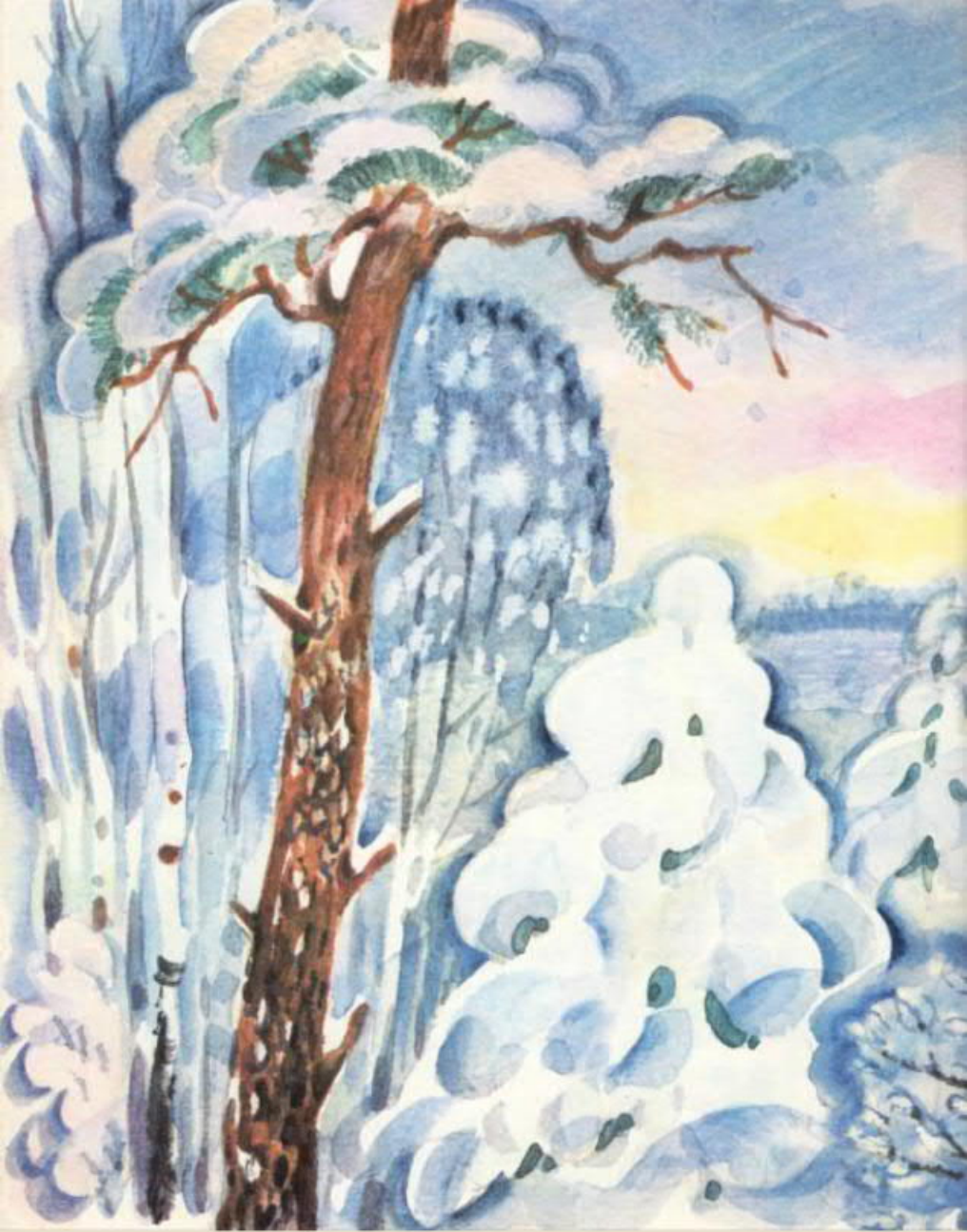
На высокой густой сосне спрятался соболь. Его загнали сюда собаки. Соболя не было видно, лишь слышались странные звуки. Оказывается, это хрюкал соболь. Наконец

он высунулся, и я увидел его хитрую мордочку. Он словно понимал, что охотники стрелять не будут, и отважно глядел на нас и на собак, покачиваясь на ветке.

Один из охотников полез на дерево. Он лез без осторожности, обычно присущей охотникам, умеющим подкрадываться к зверю так, что веточка не обломится, снег не хрустнет. На этот раз охотник, наоборот, шумел, трещал ветками, пугая зверька, надеясь, что тот спрыгнет на полянку. Соболь однако сидел смирно, наблюдал, и, когда ему показалось, что опасность близка, «перелетел» на другое дерево. Вот это был прыжок!

К берёзке, на вершинке которой оказался теперь зверёк, подскочил второй охотник и начал трясти ствол так отчаянно, словно хотел разбудить дерево от зимнего сна. Найда и Черныш ворчали внизу, грызли и царапали когтями ствол, упирались в него лапами, помогая хозяину раскачивать берёзку. Залезть на дерево было невозможно: под тяжестью человека оно могло сломаться.

Охотник взмахнул топором раз, другой.

Тут послышалось цоканье, словно большая птица прищёлкивает. Возмущённо глядя на людей, эти звуки издавал соболя. Он и так, оказалось, может, а не только хрюкать.

Охотник рубил дерево. А другие устанавливали сеть.

Окружили её и деревья, и охотников, и собак, и, конечно, зверька-соболька. Подрубленная берёзка, наконец, упала, но ловкий зверь успел на лету ухватиться за ветку соседней осины, и через секунду был уже на вершине. Посидел спокойно, и оттуда слышалось хорканье — хорх-хорх, хорх-хорх. Охотники смастерили петлю из жёсткого провода, укрепили на конце тонкого длинного шеста и пытались её стянуть зверька. Но соболь так цепко ухватился передними лапами за ветку, что, как ни трясли дерево, как ни пытались ухватить зверька петлёй, ничего не получалось. Как ни суетились люди, а соболь был для них недосыгаем.

Вот она какая — охота без ружья.

Соболь прыгал с сучка на сучок, ворчал, щёлкал, цокал, хрюкал. Словом, веселился. Снова стали рубить де-

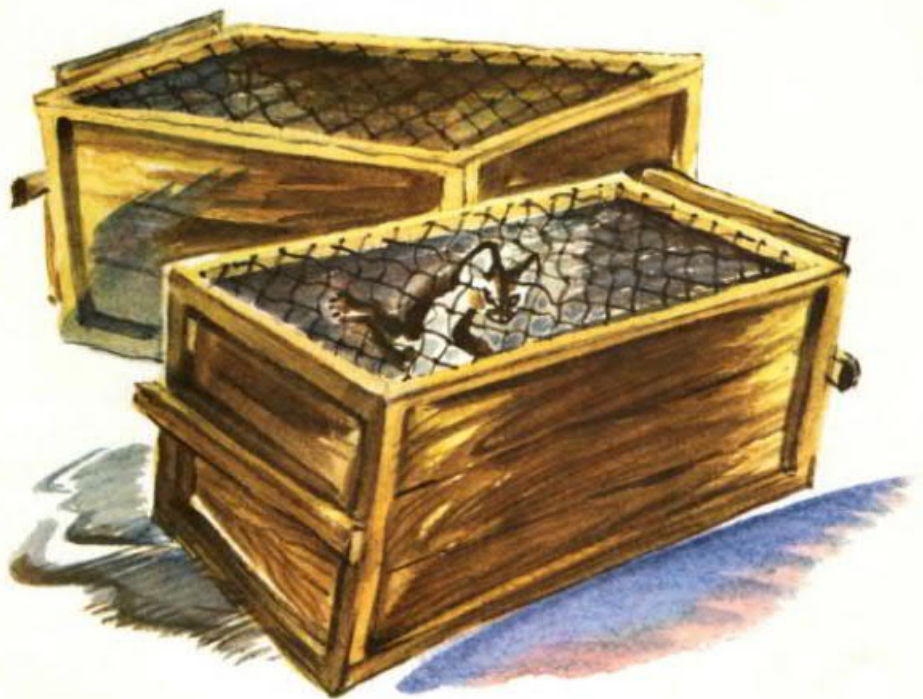
рево. «Ничего себе,—подумал я,—так из-за одного зверька придётся всю тайгу свести».

Тут собольку надоело, должно быть, сидеть на ветках в западне. Понял, что и это дерево, раз по нему так стучат, тоже вот-вот упадёт. Он напружинился, рванулся, кувыркнулся в воздухе и — оказался на снегу. Собаки полетели за ним с громким лаем. Их тоже захватила охота, азарт, злость, они бежали за зверьком что есть духу. Но соболь вдруг пропал. Только что было видно, как он скачет по снегу, а собаки отстают: они тяжелее и потому глубже проваливаются в сугробы. И вдруг — не стало зверька. Черныш и Найда стали разгребать носами снег, чуя под ним зверька. Как ни торопились они, тяжело дыша, ворча, полаивая, зверёк ушёл от них и вынырнул из-под снега уже у самой сети.

Соболь бросился бежать. В запале ударился он о сеть, отлетел от неё, но вместо того, чтобы снова и снова прятаться на деревьях, он стал разъярённо кидаться на сеть, пока не запутался в ней. Тогда я взял его за загривок, чтобы хищный зверь не укусил чего доброго. Тут соболь так уцепился зубами за свитер, что отцепить его не было никакой возможности. Пока один из охотников не подул зверьку в ухо. Тогда соболь убрал когти. Пойманного соболя сунули в мешок, а потом посадили в деревянный ящик с металлической сеткой вместо крыши. Таких ящиков у нас было шесть. Пять из них ещё пустые, а день кончался.

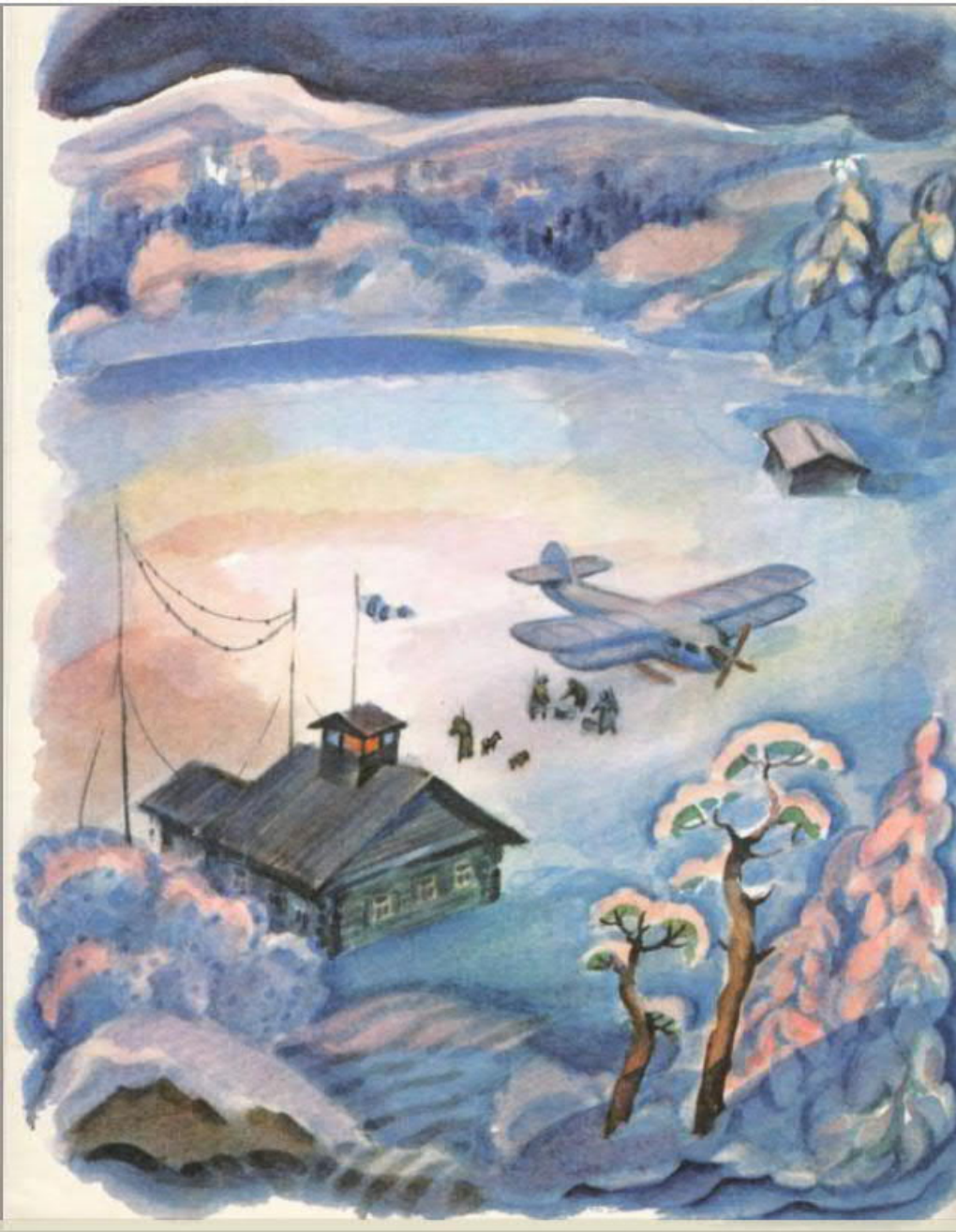
Вот она какая нелёгкая, охота без ружья!

Зверёк молчал, смотрел в небо, словно видел там своё спасение. И такая грусть была в его чёрных и блестящих глазках, что мне тоже сделалось грустно. Но я знал, что клетка — не навсегда. Что скоро повезут соболька по небу в далёкие края, где будет ему лучше, потому что соболей там мало, а пищи для них — много. И что будет он там не один, а с другими зверьками, которых нам ещё надо поймать.

— Не горюй, дружок! — сказал я собольку. — На новом месте тебе будет хорошо, весело!

НА НОВОМ МЕСТЕ

Настал день, когда в каждом из шести ящиков-клеток было по квартиранту.

Теперь за нами пришёл не вертолёт, а небольшой двукрылый самолёт АН-2. Самолёт сделал над поляной два круга и ловко сел, подпрыгивая, вздымая маленькую вьюгу своими винтами. Мы погрузили драгоценных зверьков в самолёт, собаки сами впрыгнули и устроились под сиденьями. Затем взрели винты, и мы взлетели.

Мы направлялись на запад, в те места, где когда-то водился соболь, а теперь учёным и охотникам не удавалось уже долгие годы обнаружить там собольих следов.

Соболи в клетках при взлёте встревожились, заметались, потом притихли. Мы летели так, пока не стемнело. Ночевали в таёжном аэропорту. Здание этого аэропорта деревянное, похожее на обыкновенную избу. Только на крыше избы стеклянная будка, а над ней — флюгер, показывающий, в какую сторону дует ветер.

Рассвело, и мы снова были в небе. А в полдень приземлились на заснеженной поляне. Вынесли и поставили в ряд ящики. На расстоянии пяти-шести метров друг от друга. Собак заперли в самолёте, чтоб не испугали они зверьков. Стали поднимать по очереди боковые дверцы в клетках. В первую минуту собольки продолжали сидеть, прижавшись в угол, потом один из них рванулся наружу, перемахнул поляну и взлетел на дерево, воинственно огляделся, радостно захоркал. За ним рванулся ещё один, и ещё...

— Вот, — сказал мне охотник, — совсем обалдели от радости. Вообще-то соболь никогда не полезет на дерево, где уже сидит его собрат. А тут все на одной сосне, будто кругом не тайга, не тысячи деревьев, а одно. Это они сперва от страха, потом от радости.

Тут пришла очередь и мне открывать клетку, в ней

был тот самый первый наш соболек. Я поднял вверх стенку, зверёк вышел степенно, обернулся ко мне, и, может, показалось, подмигнул мне по-товарищески. И вдруг задал стрекача.

«Беги, беги, миленький,— подумал я.— Живи здесь, обзаводись домом и семьёй. Счастливо тебе оставаться, скоро и эту тайгу назовут соболиным краем, как ту, где ты появился на свет».

Соболи долго ещё сидели на ветках сосны. Потом скатились вниз, и от бронзового ствола старого дерева в шесть сторон разошлись шесть первых соболиных тропок: у каждого — своя.

СОДЕРЖАНИЕ

СОБОЛЬ	3
ВЕРТОЛЕТ	5
ЗИМОВЬЕ	7
С ДЕРЕВА НА ДЕРЕВО	12
НА НОВОМ МЕСТЕ	23

30 к.

Для дошкольного возраста
Марк Сергеев
В СОБОЛИННОМ КРАЮ
Художник В. А. Фролов

Редактор Л. Архипова
Художественный редактор Г. Кривоша
Технический редактор И. Матюшина
Корректор И. Пилипенко

ИБ № 1691

Сделано в набор 15.10.83. Подписано к печати 18.05.84. 60/х90^{1/2}. Бум. офс. № 1. Гарнитура «шрифт». Печать офсет. Усл. печ. л. 3,5. Ул.-мод. л. 3,39. Тираж 200 000 экз. Изд. № 1316. Заказ № 2571. Цена 30 коп. Издательство «Малышок», 101443, Москва, Бутырский вал, 68. Наименный образец Трудности Кривоша. Заполнен полиграфическим детским литературным кн. 50-летие СССР. Регистр полиграфического Госиздатства РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

С 586010102—100
М1020531—84 100—84

© Издательство «Малышок» 1984

